

ПОДТРУНИВАНИЕ КАК ДИСКУРСИВНАЯ НОРМА

А. В. Быстрых, А. А. Байкова

Воронежский государственный университет

BANTER AS A DISCURSIVE NORM

A. V. Bystrykh, A. A. Baikova

Voronezh State University

Аннотация: подтрунивание, будучи разновидностью притворной невежливости, рассматривается в статье как нормативная стратегия вербального поведения, в рамках которой говорящий манипулятивно эксплуатирует коммуникативно неоднозначную речевую форму для решения своих дискурсивных задач. Стратегическая амбивалентность подтрунивания отвечает некодифицированным и дискурсивно закрепляющимся за определенным сообществом практики нормам, диктующим выбор в пользу фамильярного общения на грани грубости как дефолтного режима внутригруппового взаимодействия. Основными задачами исследования являются выявление дискурсивных оснований использования подтрунивания в заданном сообществе практики и отграничение подтрунивания от смежных речевых практик за счет определения его сущностных характеристик. В качестве исследовательского контекста реализации подтрунивания выбирается фамильярное общение членов небольшого рабочего коллектива, представленного в британском псевдодокументальном сериале «The Office». Ведущим исследовательским методом выступает интерпретативный подход к анализу речевого материала, приоритизирующий контекстно привязанную оценку уместности разворачивающейся интеракции непосредственными участниками речевого взаимодействия в опоре на предыдущий опыт, интериоризированный в виде сценарного фрейма. Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о первичности для субъекта и объекта подтрунивания порождаемых в ходе взаимодействия интерперсональных импликаций и вторичности интересов социального лица. Осуществляемая посредством подтрунивания реляционная работа ориентирована на укрепление ощущения товарищества и определяется культурно закрепившейся в ряде британских сообществ практики когнитивной установкой в виде отказа от серьезного отношения к ситуации. Отличаясь особым просодическим оформлением и обоюдным настроем коммуникантов как на лингвистическую, так и социальную кооперацию, подтрунивание характеризуется очевидной ложностью транслируемой пропозиции с типичной гиперболизацией предсказуемого признака.

Ключевые слова: подтрунивание, невежливость, притворная невежливость, грубость, реляционная работа, сообщество практики, дискурсивная норма.

Abstract: banter, being a form of mock impoliteness and, hence, creating ambivalence in speaker meaning, is viewed as a normative discursive strategy creatively and manipulatively exploited by the speaker in pursuit of certain communicative goals. In fact, strategic ambivalence embedded in banter can be in full compliance with unwritten and discursively negotiated norms of certain communities of practice which favour potentially impolite behavior as a default mode of interaction. Given that, the study focuses on the discursive rationale behind banter in given communities of practice and its intrinsic characteristics which set banter apart from similar forms of impoliteness, both genuine and mock in nature. Empirical evidence for the study is obtained from intra-office talk as featured in the UK's mockumentary "The Office". Since banter is approached as a solely interpretive construct with interactants' evaluations playing a major role in assessing its expediency and appropriateness, the study draws on the interactants' frame-based evaluations of social norms of appropriateness that have been previously interiorized in the speech events in question. Overall, our findings suggest that individuals engaging in banter tend to prioritise interpersonal implicatures over potential face-damage and, hence, carry out relational work

that foregrounds a sense of camaraderie and maintains the culturally specific proscription of earnestness (as is evidenced by social anthropologists). In terms of its linguistic mechanisms, banter, as a rule, manifests itself through flouting the maxim of quality and hyperbolizing the negative evaluation while contributing to both linguistic and social cooperation.

Key words: banter, impoliteness, mock impoliteness, rudeness, relational work, community of practice, discursive norm.

Введение

Стратегическая амбивалентность как программируемая говорящим возможность двойственной интерпретации его дискурсивных маневров находится в фокусе внимания исследователей со времен первых публикаций о природе косвенных речевых актов [1]. При этом в основе избираемой говорящим модели поведения (в отличие от *истинной амбивалентности*, базирующейся на закрепившихся в системе языка единицах с асимметричным отношением между означающим и означаемым) лежит манипуляция двумя прагматическими универсалиями – мультифункциональностью (многозначностью) и косвенностью. Говорящий зачастую искусно эксплуатирует двусмысленность, порождаемую при употреблении так называемых косвенных неконвенциональных актов, для решения своих стратегических задач. Такая линия поведения дает ему возможность снять с себя ответственность за транслируемую иллокуцию и отказаться от своих слов, особенно в случае, если искомым перлокутивный эффект не достигается (см., например, классический механизм *стратегии намека*, описанный Дж. Личем [2, р. 97–99]). Более того, ответственность за коммуникативный сбой в связи с некорректным декодированием транслируемого смысла (*speaker meaning*), согласно теории релевантности [3], перекладывается на адресата: адресат оказался неспособным применить необходимую совокупность коммуникативно релевантных (языковых и внеязыковых) знаний для успешной реализации механизмов инференции.

Интересно, что подобные стратегически выбираемые механизмы манипуляции инференциальными способностями адресата применяются говорящим не только на уровне передачи отдельных иллокуций (или совокупности таковых), но и на уровне управления конструируемыми и воспроизводимыми в процессе общения отношениями (*relational work*) [4]. Примером стратегической амбивалентности порождаемого дискурса на данном уровне может служить дискурсивная практика *подтрунивания (banter)*.

Относясь, с точки зрения зарубежных исследователей, к широкому кругу практик, целью которых является передача так называемых *противоречивых намеков (mixed messages)* [5], феномен подтрунивания наивно-бытовым сознанием может быть охарактеризован в виде оксюморона *быть по-доброму жестоким (being cruel to be kind)* [6]. В самом деле, откры-

тая речевая агрессия, используемая для укрепления гармонии между коммуникантами (именно так, как мы покажем далее, может быть охарактеризовано подтрунивание с точки зрения асимметричного отношения между избираемой говорящим локуцией и транслируемой иллокуцией), является типичным примером стратегической амбивалентности порождаемого дискурса – тактики вербального поведения, при которой говорящий манипулятивно эксплуатирует коммуникативно неоднозначную форму для реализации своих глобальных целей.

Реплики типа *«На этой стремной развалюхе только в утиль ехать»*, *«Эй, ты, жирдяй, подвинься»*, *«Твои носки можно использовать как оружие массового поражения»*, погруженные в контекст фамильярного общения, представляют собой прототипические реализации подтрунивания. Несмотря на высокую частотность подобных реплик и их непосредственную связь с феноменом (не)вежливого речевого поведения, в «библии» любого исследователя, занимающегося вопросами вежливости, – работе американских социолингвистов П. Браун и С. Левинсона «Вежливость: некоторые универсалии в употреблении языка», впервые опубликованной в 1978 г. [7] и переизданной с исправлениями и дополнениями в 1987 г. [8], – подтрунивание не упоминается ни разу. Стратегический характер использования подтрунивания как речевой практики впервые в целостном виде описывается в работе Дж. Лича [2]. Сам факт того, что исследователь предлагает оперировать *принципом подтрунивания (Banter Principle)* как вторичным постулатом по отношению к базовым принципам дефолтного режима любого речевого взаимодействия – принципу кооперации П. Грайса и принципу вежливости Дж. Лича – отражает значимость данной дискурсивной практики в межличностном общении.

Согласно Дж. Личу, коммуникативная сущность подтрунивания заключается в выборе речевой стратегии, которая условно может быть обозначена как *наигранная (притворная) невежливость (mock impoliteness)* и обобщена в следующем виде: «Нам не нужно быть вежливыми по отношению друг к другу: я могу оскорбить тебя, а ты воспримешь это как шутку. Это доказывает, насколько хорошими приятелями (buddies) мы являемся» [9, р. 101]. При этом Дж. Лич делает акцент на телеологическом характере подтрунивания, а именно его целевом ориентировании на управление межличностными отношениями. Прежде

всего подтрунивание используется говорящим для укрепления внутрigrупповой солидарности, а также реального или мнимого ощущения близости и товарищества. С точки зрения способов управления раппортом [10] подтрунивание выступает как противоположный полюс по отношению к практике выражения собеседнику *почтения (honorification)*, особенно характерной для восточных культур со сложно устроенной иерархией социальных статусов, подлежащих маркированию при речевом взаимодействии [9, p. 239]. Несмотря на то, что подтрунивание и выражение почтения выступают в качестве прагматических антиподов, их дискурсивное предназначение сближается и сводится к трансляции сигналов о наличии у собеседников разделяемого знания о наиболее оптимальных (и предпочтительных для данного сообщества и/или актуальных условий) способах выстраивания межличностного взаимодействия.

Дж. Калпепер рассматривает дискурсивную практику подтрунивания в контексте полемики о возможности выделения *ингерентно невежливых* высказываний / речевых актов [11]. При этом позиция исследователя последовательна и категорична: никакие языковые формы и речевые действия не могут быть отнесены к репертуару средств с имманентно запрограммированной невежливостью в связи с тем, что конечная оценка ситуативной уместности конкретных языковых средств / речевых действий всегда остается за адресатом дискурса, который применяет уникальные для каждого контекста механизмы интерпретации разворачивающейся интеракции. Такой взгляд на природу (не)вежливости определяет ее как сугубо интерпретативный конструкт, выстраивающийся на идее обоюдного социального соглашения между участниками коммуникации относительно (не)приемлемых дискурсивных маневров (ср. идею В. Фрейзера и У. Нолена о невежливости как маркированном поведении, не удовлетворяющем условиям *конверсационного контракта* между говорящим и слушающим [12]). В свете такой позиции подтрунивание рассматривается Дж. Калпепером как контекстно зависимая дискурсивная практика, характеризующаяся «пониманием со стороны участника коммуникации того, что контекстуальные условия, поддерживающие подлинную невежливость, не выполняются» [13, p. 352]. При этом, помимо традиционно выделяемой функции укрепления ощущения товарищества, Дж. Калпепер усматривает в практике подтрунивания возможность трансляции завуалированного принуждения (*disguised coercion*) и развлечения третьих лиц за счет высмеивания адресата (*exploitative entertainment*) [14], что противоречит устоявшимся взглядам на подтрунивание как социально кооперативный маневр.

Сложная дискурсивная природа подтрунивания продолжает вызывать у исследователей живой интерес. В последнее время предметом изучения становились: отграничение подтрунивания от смежных дискурсивных практик (высмеивание, подшучивание, поддразнивание и т. д.) [15]; целесообразность рассмотрения подтрунивания как атрибута взаимодействия в сугубо мужских коллективах [16]; ритуализация подтрунивания в отдельных субкультурах (например, среди футбольных фанатов) [17], практика подтрунивания при общении незнакомцев [18] и т. д.

Ввиду того, что феномен подтрунивания продолжает оставаться открытым для толкования исследователями (а также, как показывает практика, обывателями, не всегда способными однозначно интерпретировать транслируемую в их адрес игривую невежливость), в рамках настоящего исследования нами ставятся следующие задачи: 1) определение наиболее существенных характеристик подтрунивания, выделяемых на разных уровнях дискурсивного анализа и позволяющих отграничить эту практику от смежных явлений (глумление, подшучивание, издевка и т. д.); 2) выявление дискурсивных оснований использования подтрунивания в качестве намеренно эксплуатируемой говорящим тактики стратегической амбивалентности.

При этом отметим сразу, что в связи с высокой степенью ситуативной привязанности и нестабильностью порождаемых смыслов методологической основой исследования подтрунивания нами избирается *дискурсивная модель (не)вежливости ((не)вежливость первого порядка)*, согласно которой дискурсивная приемлемость тех или иных маневров оценивается не с точки зрения привнесенных извне обобщений в виде прогностических постулатов, определяющих вежливость или невежливость поведения усредненных коммуникантов, а с позиции непосредственных участников общения – обывателей, интериоризовавших предыдущий опыт общения в виде определенных норм ожидания относительно наиболее адекватных способов взаимодействия в данном контексте [4]. Другими словами, при таком взгляде на поведение подтрунивающих коммуникантов рациональная оценка (лингвиста-аналитика) уместности их действий уступает место слабо моделируемым интерпретациям самих участников общения в отношении адекватности поведения друг друга в заданном типе ситуации.

Методология исследования

Источником эмпирического материала в настоящем исследовании выступили 75 эпизодов подтрунивания, выделенных методом целевой выборки из 12 серий (2 сезона) британского комедийного сериала «The Office» (2001–2003). Сериал снят в жан-

ре псевдодокументалистики (*mockumentary*) и выполнен в виде репортажа из провинциального британского офиса. Критики отмечают, что ситуации, показанные в сериале, являются максимально приближенными к реальной жизни, а стиль общения героев отражает квинтэссенцию межличностного общения в британском рабочем коллективе – фамильярное взаимодействие, основанное на обмене колкими фразами и подтруниванием в силу того, что работающие в одном коллективе сотрудники узнают недостатки друг друга и не упускают возможность выставить коллег в смешном свете.

Выделенные эпизоды подвергались комплексному анализу с целью выявления существенных характеристик подтрунивания, а также дискурсивных оснований реализации данной стратегически амбивалентной речевой практики.

Прежде чем перейти к результатам исследования, кратко остановимся на одном методологическом аспекте, требующем уточнения. В силу того, что подтрунивание представляет собой крайне динамичную и слабо моделируемую речевую практику, оценка адекватности реализации которой, согласно дискурсивному подходу к анализу (не)вежливости, остается всецело за адресатом, абсолютно оправданным представляется часто высказываемое в адрес сторонников теории вежливости первого порядка следующее критическое замечание. При доведении дискурсивной линии анализа до ее логического конца и принятии того, что «все относительно [и] исследователь неправомерен и неспособен корректно приписывать высказываниям смысл, возникает вопрос, в чем собственно заключается роль исследователя?» [19, р. 115]. Другими словами, при таком подходе к описанию дискурсивно формируемых (контекстно чувствительных) смыслов исследователь рискует погрузиться в область гипотетики при любой попытке обобщить данные, собранные без использования метода включенного наблюдения.

Понимая справедливость данного замечания, укажем тем не менее на принимаемую многими исследователями целесообразность обращения к фреймам как особым типам опытно приобретенных когнитивных сценариев, фиксирующих социокультурное знание о приемлемых/неприемлемых способах взаимодействия в конкретных дискурсивных событиях и/или сообществах коммуникантов. Так, киприотский исследователь М. Теркурафи убедительно доказывает наличие в сознании интерактантов в виде сценарного фрейма ассоциативной связи между определенными вежливыми/невежливыми средствами и конкретными дискурсивными практиками [20]. Обращение к таким фреймам, в свою очередь, позволяет исследователю получить доступ к механизмам контекстуальной оценки разворачивающейся коммуни-

кации. Применительно к целям настоящего исследования доказательством наличия в британском рабочем коллективе дефолтного и положительно оцениваемого сценария шуточного общения на грани оскорбления является зафиксированное британским социальным антропологом К. Фокс так называемое *правило подтрунивания (the rule of banter)* [21, р. 331, 336], которое (вкуче с правилом *не воспринимать себя, ситуацию и собеседника серьезно (the importance of not being earnest)* [ibid, р. 62]) лежит в основе корпоративной кооперации и предписывает британцам делать выбор в межличностном общении в пользу «каламбуров, споров, сарказма, *притворной агрессивности, поддразнивания, уклончивости...* [и избегать] эмоций, сентиментальности, *серьезности и ясности*» (курсив наш. – А. Б.) [ibid., р. 336].

Результаты исследования

Подтрунивание как атрибут сообщества практики

Очевидно, что подтрунивание, будучи коммуникативно рискованной и крайне контекстно зависимой практикой, реализуется во внутригрупповом взаимодействии таких коммуникантов, отношения между которыми «настолько близкие и устоявшиеся, что они не могут быть поставлены под угрозу грубыми, на первый взгляд, высказываниями» [22, р. 262]. В качестве контекста реализации подобных коммуникативно неоднозначных практик в дискурсивно ориентированных теориях (не)вежливости, как правило, предлагается рассматривать так называемое *сообщество практики* [23]. Не имея возможности детально останавливаться на конститутивных признаках данного объединения коммуникантов, отметим наиболее существенные для целей настоящего исследования моменты. Сообщество практики представляет собой, как правило, неформальную группу тесно взаимодействующих индивидов, вырабатывающих в процессе совместной деятельности определенные нормы ожидания относительно того, что является уместным/неуместным поведением среди членов данного коллектива. При этом данные нормы ожидания, будучи недоступными для третьих лиц, воспринимаются членами коллектива как формально некодифицированные, гибкие и компромиссно формируемые пределы допустимости маневров друг друга. По мнению С. Шнурр, типичным примером подобных дискурсивно конструируемых норм могут быть потешное оскорбление (*jocular abuse*) и сарказм, принимаемые интерактантами как дефолтный стиль общения в целях укрепления внутригрупповой солидарности [24]. Отметим между тем, что в ранних работах по притворной (наигранной) невежливости в качестве аксиомы декларировалась необходимость максимального сближения коммуникантов как в отношении

властного статуса (вертикальная дистанция), так и социально-психологической близости (горизонтальная дистанция) для нормативного использования подобных дискурсивных практик [9, p. 239].

Проследим справедливость данных замечаний в разрезе имеющегося у нас эмпирического материала.

[Гаррет (G) и Тим (T) – сотрудники отдела, Дэвид (D) – босс, Рики (R) – новый сотрудник в отделе. Начальник знакомит нового сотрудника с отделом и представляет ему Тима и Гаррета. В процессе разговора выясняется, что Тим решил подшутить над Гарретом и спрятать его степлер в желе. Гаррет раздражен и просит Дэвида сделать Тиму выговор].

G: Right. You can be my witness. Give him an official warning.

T: How do you know it was me?

G: It's always you.

D: Mad here.

G: Can't you... Can't you discipline him?

D: Ooh, kinky!<...> Now, the thing about practical jokes, you've got to know when to stop as well as start, and now is the time to stop putting Garreth's possessions in jelly, all right?

T: **Garreth, it's only a truffle-ing matter.**

D: (laughs) Here we go. Always like this.

R: (laughs) **You should put him in custard-y!**

(‘The Office’, season 1 episode 1)

Подтрунивание над Гарретом в форме неперево-димого каламбурного созвучия лексем *trifle* «*нустяк*» / *truffle* «*трюфель*» и *custody* «*апец*» / *custard* «*заварной крем*» используется членами данного рабочего коллектива для того, чтобы сделать из него еще больший объект насмешки после несурзадной для него ситуации с желе, тем самым, казалось бы, интенсифицировав уже причиненный урон его социальному лицу. Тем не менее визуальный ряд эпизода и просодика разворачивающегося взаимодействия не свидетельствуют об эскалации конфронтации между коллегами. Напротив, в данном эпизоде, как и в остальных контекстах собранного нами корпуса, мы наблюдаем уже не раз отмеченную исследователями наигранной невежливости «реляционную работу по совместному конструированию игрового, несерьезного и шуточного сценария (фрейма), «...направленного на порождение добродушных оценок/интерпретаций [со стороны участников]» [15, p. 1104].

Между тем более значимыми для целей настоящего исследования являются следующие наблюдения.

В противовес доминирующей в научной литературе точке зрения о том, что наигранная невежливость и, в частности, подтрунивание воспринимаются как дискурсивная норма в сообществах практики, в которых коммуниканты не противопоставлены друг другу в отношении вертикальной и горизонтальной дистанций, исследованный нами корпус свидетель-

ствует об обратном. Гаррет занимает в корпоративной иерархии компании более высокую позицию по сравнению с Тимом (вертикальная дистанция), что не мешает тому делать из коллеги, наделенного большой властью (прежде всего социальной), объект насмешки. Более того, Рики, будучи новичком в коллективе (маркированная горизонтальная дистанция), считает правомерным поддержать добродушное подтрунивание Тима и высказать в адрес Гаррета свою порцию колкого юмора. По-видимому, канонически используемые в прагмалингвистических исследованиях вежливого поведения контекстные параметры *власти* и *социально-психологической близости* (мы «оставляем за скобками» третий классический параметр – *степень вмешательства* – в силу его неуниверсальности в отношении подтрунивания) перестают иметь довлеющее значение в контекстах реализации дискурсивных (локально формируемых) норм. Представляется, что в случае подтрунивания данные контекстуальные параметры подчиняются некоторому *аффективному* фактору, предопределяющему критичное для игривой невежливости ощущение мнимого или реального *товарищества* (*camaraderie*) – необходимой предпосылки, по мнению многих исследователей, реализации подобных практик.

Далее, в исследованных контекстах подтрунивания обращает на себя внимание тот факт, что урон лицу адресата, столь явно бросающийся в глаза при аналитической и внеконтекстной перспективе исследования, в значительной степени нивелируется при реконтекстуализации конфронтационного высказывания в дискурсивный контекст фамильярного общения. Дж. Калпепер указывает на то, что притворная невежливость порождает импликатуры, относящиеся прежде всего к *реляционной работе* и *групповой (коллективной) идентичности* [14]. В самом деле, внимательный анализ контекстов подтрунивания убеждает нас в том, что ущерб лицу адресата допускается говорящим, но только в качестве побочного/косвенного урона, приносимого в жертву во имя поддержания/конструирования ощущения товарищества и солидарности. Другими словами, оскорбление/унижение достоинства адресата, по мнению субъекта подтрунивания, потенциально возникает только в том случае, если собеседник не владеет неписаными нормами поведения в заданном сообществе практики, и его установки и ценностные ориентиры расходятся с базовыми принципами сформировавшейся в сообществе коллективной идентичности. Таким образом, одним из дискурсивных оснований использования подтрунивания является своеобразный тест, позволяющий говорящему в режиме «здесь и сейчас» без привлечения дополнительных ресурсов определить своих и обособиться от чужих. Подтрунивание, экс-

плуатируя программируемую говорящим потенциально возможную двойственную интерпретацию адресатом его маневров, представляет собой вид *реляционной работы по определению дискурсивных границ между своими и чужими*.

Между тем отметим, что, по-видимому, в основе коллективной идентичности британских сообществ практики, в которых подтрунивание воспринимается как ожидаемый и предпочтительный стиль общения, лежит отмечаемая К. Фокс базовая ценность национальной коммуникативной культуры – *запрет на серьезное (нелегкомысленное) отношение к себе, окружающим и ситуации (proscription of earnestness)* [21, p. 62]. Так, исследователь отмечает, что «табу на излишнюю серьезность глубоко укоренилось в сознании англичан. Наша реакция на излишнюю серьезность – это типично английская смесь пассивного цинизма, ироничного безразличия... и *озорства* (мы обожаем *высмеивать* напыщенность и важничанье)» (курсив наш. – А. Б.) [ibid., p. 402–403]. Примечательно, что в приведенном выше эпизоде подтрунивания данная ценностная установка получает экспликацию в виде каламбурно оформленного высказывания «*it's only a trifling matter*», призывающего собеседника смотреть на ситуацию проще.

Косвенным доказательством того, что значимость урона лицу собеседника при подтрунивании нивелируется в угоду поддержания добродушно-озорного стиля общения и соответственно скрытого отграничения своих (способных поддерживать этот стиль) от чужих, являются закономерности, прослеживаемые по данным словарей коллокаций и лингвистических корпусов в отношении определительной сочетаемости лексемы *banter*. В подавляющем большинстве случаев в позиции определения выступают прилагательные, указывающие на добродушный характер подтрунивания: *easy* «легкий», *friendly* «дружелюбный», *good-natured* «добродушный/благожелательный», *light* «легкий/несерьезный», *light-hearted* «беспечный», *lively* «оживленный», *pleasant* «приятный», *witty* «остороумный» [25].

Подтрунивание на фоне смежных дискурсивных практик

Обратимся к рассмотрению некоторых сущностных черт подтрунивания, обуславливающих его конструктивную роль в межличностном общении. Одним из критериев, позволяющих отграничить подтрунивание от смежных практик как притворной, так и истинной невежливости, является отраженная в принципе подтрунивания Дж. Лича [2] *очевидная ложность пропозиции* транслируемого высказывания. Реализация подтрунивания всегда сопровождается нарушением максимы качества П. Грайса, что и порождает конверсациональную

импликацию «я говорю *очевидную неправду* для того, чтобы ты понял, что в действительности я не имею это в виду». Говорящий полагается на то, что слушающий применит адекватные механизмы умозаключения и, как мы показали ранее, профилирует приоритетную для подтрунивания интерперсональную импликацию, направленную на усиление ощущения товарищества. Данный маневр отражен в следующем эпизоде.

[Дон (Dn) – женщина-секретарь, Дэвид (D) – начальник, Рики (R) – новый сотрудник в отделе. Дэвид решил подшутить над Дон (сообщить ей о ее увольнении) и попросил Рики ему подыграть. Дон задает начальнику вопрос, желая выяснить, за что же ее увольняют. Дэвид выдумывает, что секретарь воровала из офиса стикеры для изготовления самодельных сигарет].

Dn: Why would I steal post-it notes?

D: To make the little things at the end of joints...

R: Roaches.

D: **Caught you, drug addict.**

(‘The Office’, season 1 episode 1)

Пытаясь придумать причину «увольнения» секретаря, Дэвид забывает название части самодельной наркотической сигареты. Внезапно Рики напоминает Дэвиду название (*roaches*), за чем следует подтрунивание как ответная реакция Дэвида. Начальник называет нового сотрудника наркоманом (*drug addict*), что, как понятно для всех участников ситуации, является очевидной неправдой и эксплуатируется говорящим в иных, не изболительных целях. Между тем очевидная ложность пропозиции, мотивирующая подтрунивание, не всегда характеризует прагматические смежные практики *издевки* и *глумления* [26, с. 428], для которых, в отличие от подтрунивания, также типично ощущение говорящим превосходства над собеседником.

Зачастую ложность пропозиции при подтрунивании реализуется через *гиперболизацию* преддицируемого объекту подтрунивания признака. При этом порождаемая импликация заставляет адресата соотносить транслируемую пропозицию с пропозицией, в которой соответствующий признак выражен менее интенсивно, что в контексте подтрунивая тем не менее не превращает вторую пропозицию в истинную. Сама установка подтрунивающего субъекта передавать очевидно ложную информацию и уверенность в безнаказанности своих действий (при условии адекватной интерпретации адресатом данной информации) заставляет его идти «на крайности» (в виде предельной интенсификации преддицируемого признака и открытое нарушение максимы одобрения Дж. Лича [2]) и тем самым проверять разделяемое ощущение товарищества «на прочность». Проследим данный маневр в следующих контекстах.

[(M1) и (M2) – близкие друзья Гаррета, Гаррет (G) – сотрудник отдела, Друзья Гаррета приходят навестить его в отдел офиса, в котором также находятся другие сотрудники].

M1: We're from the local mental hospital. Is Garreth Keenan here? **He's escaped.**

M2: 'Cause **he's mental.**

G: (smiling) Here's my crew.

('The Office' season 2 episode 5)

[Дэвид (D) – начальник, Крис Финч (F) – его близкий друг. Пока Дэвид разговаривает со своими подчиненными у лифта, из-за его спины вдруг возникает Крис Финч].

D: Oi! Finchy!

F: **When is it due?**

D: Ah, here we go. Fasten your seatbelts.

F: **All right, that's still not big enough for you, you fat bastard.**

D: All bought and paid for.

('The Office' season 1 episode 3)

В первом эпизоде преувеличение заключено в характеристике Гаррета его друзьями (букв. «*Он псих / сбежавший из психиатрической клиники пациент*»). Во втором контексте полнота Дэвида гиперболически сравнивается с формой тела беременной женщины перед родами (букв. «*Когда у тебя срок рожать?*»), а также описывается как препятствие для того, чтобы зайти в лифт (букв. «*Даже лифт не вмещает тебя, жирного уроды*»). Вместе с тем, несмотря на предельно гиперболизированный и эксплицитно-оскорбительный выбор формы указания на объект насмешки, при подтрунивании не происходит дискредитации адресата, на нем не ставится клеймо (как в случае с подлинным *высмеиванием* [26, с. 206–208]). Это согласуется с ранее высказанным тезисом о том, что предварительным контекстным условием реализации подтрунивания является не только обоюдное признание необходимости подчинения интересов социального лица адресата более приоритетным задачам по совместному поддержанию и укреплению раппорта, но и высокая степень уверенности говорящего в том, что границы допустимого (внешне конфронтационного) поведения в заданном сообществе практики не являются жестко установленными. Программируемая амбивалентность его дискурсивных маневров (а значит, потенциальная возможность перенести ответственность за неверно интерпретированную иллюзию на адресата) и опора на обоюдно принимаемую в данном сообществе практики установку на отказ от серьезного отношения к происходящему дают ему возможность расширять горизонты дозволенного и осваивать более экстремальные формы наигранной невежливости.

Обратим внимание на то, что во всех приведенных контекстах внешне конфронтационные иллюзии,

транслируемые в адрес объекта подтрунивания, являются особым образом просодически маркированными, а также сопровождаются улыбками и смехом с обеих сторон либо ответными добродушными репликами (ср. «*За все заплачено*» как ответ на ремарку о превышении предельных габаритов тела для пользования лифтом; и «*Знакомьтесь с моей компашкой*» как реакция на «обвинение» в побеге из психиатрической клиники). Совокупность данных лингвистических и паралингвистических сигналов критична для работающего в рамках дискурсивной парадигмы исследователя-аналитика [9, р. 101] и собственно дает нам возможность идентифицировать случаи подтрунивания без использования метода включенного наблюдения, который, к слову, оказывается более результативным для антрополога, нежели лингвиста.

Вместе с тем приведенные эпизоды подтрунивания, рассмотренные в разрезе анализа паралингвистических сигналов и разговорной структуры, указывают на еще одну существенную характеристику данной практики притворной невежливости. В отличие от смежных речевых феноменов (в частности *издевки и глумления* [26, с. 207]), которые могут реализовываться в контексте разобщенности социальных (внеязыковых) целей адресата и адресанта, а значит, приводить к сбоям в коммуникации (социально некооперативное поведение), в ситуации подтрунивания стереотипно демонстрируется ориентация участников общения как на лингвистическую, так и социальную кооперацию. Так, довлеющее чувство товарищества и солидарности членов сообщества практики, а также приоритизация межличностных отношений (подчиняющих себе потенциально возможные угрозы социальному лицу) обеспечивает мнимую или реальную установку на поддержание канала коммуникации в рабочем состоянии. В свою очередь, лингвистическая кооперация (в классическом понимании П. Грайса) предписывает интерактантам выбирать наиболее оптимальные и соответствующие локально закрепившимся дискурсивным нормам речевые средства. При таком взгляде на дискурсивную природу подтрунивания абсолютно неудивительным оказывается тот факт, что в отдельных сообществах практики дефолтным режимом обмена информацией становится фамильярный стиль, балансирующий на грани грубости.

Заключение

В деконтекстуализированном виде подтрунивание определенно воспринимается как коммуникативно неоднозначная практика (сильно тяготеющая к истинной невежливости). Погружение подтрунивания в контекст взаимодействия сообщества практики (в нашем случае – рабочий коллектив) с дискурсивно закрепившимися неписаными нормами взаимодействия устраняет указанную неопределенность, но тем

не менее не выводит его полностью из разряда дискурсивных практик, характеризующихся стратегической амбивалентностью. Субъект подтрунивания сознательно манипулирует этим, лавируя между установкой на поддержание ощущения товарищества и желанием расширить границы дозволенного. Приведенный анализ позволяет сделать предварительные заключения о дискурсивных основаниях такого коммуникативного поведения и его отличиях от смежных речевых практик.

Дискурсивным основанием использования подтрунивания является приоритизация интерперсональных импликаций над собственно интересами социального лица объекта подтрунивания. При этом традиционно выделяемые при прагмалингвистическом анализе контекстные параметры – вертикальная и горизонтальная дистанция – отходят на второй план и уступают место более значимому аффективному фактору. Когнитивные установки субъекта и объекта подтрунивания выстраиваются вокруг культурно закрепившегося и рекуррентно воспроизводимого во многих британских сообществах запрета на серьезное отношение к ситуации и ориентированы на реляционную работу по определению дискурсивных границ между своими и чужими.

В отличие от смежных дискурсивных практик, подтрунивание, как правило, характеризуется очевидной ложностью транслируемой пропозиции с типичной предельной интенсификацией предсказуемого признака (гиперболизацией), а также особым просодическим маркированием высказывания, свидетельствующим как о лингвистической, так и социальной кооперации подтрунивающего субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Searle J.R.* Indirect speech acts // *Syntax and semantics*. New York : Academic Press, 1975. Vol. 3. Pp. 59–82.
2. *Leech G.* Principles of pragmatics. London ; New York : Longman, 1983. 250 p.
3. *Wilson D., Sperber D.* Relevance theory // *The Handbook of pragmatics*. Malden, Mass : Blackwell, 2004. Pp. 607–632.
4. *Watts R. J.* Politeness. New York : Cambridge University Press, 2003. 306 p.
5. *Culpeper J., Haugh M., Sinkeviciute V.* Impoliteness and mixed messages // *The Palgrave handbook of linguistic (im)politeness*. London : Macmillan Publishers, 2017. Pp. 322–356.
6. *Slugoski B. R., Tumbull W.* Cruel to be kind and kind to be cruel : sarcasm, banter and social relations // *Journal of language and social psychology*. 1988. No. 7. Pp. 101–121.
7. *Brown P., Levinson S.* Universals in language usage : Politeness phenomena // *Questions and politeness : Strategies in social interaction*. Cambridge : Cambridge University Press, 1978. Pp. 56–311.
8. *Brown P., Levinson S.* Universals in language usage : Politeness phenomena // *Studies in Interactional Sociolinguistics 4*. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 324 p.
9. *Leech G.* The pragmatics of politeness. New York : Oxford University Press, 2014. 350 p.
10. *Spencer-Oatey H.* Face, (im)politeness and rapport // *Culturally Speaking : culture, communication and politeness theory*. London, New York : Continuum, 2008. Pp. 11–47.
11. *Culpeper J.* Conventionalised impoliteness formulae // *Journal of Pragmatics*. 2010. No. 42. Pp. 3232–3245.
12. *Fraser B., Nolen W.* The association of deference with linguistic forms // *International journal of the sociology of language*. 1981. No. 27. Pp. 93–109.
13. *Culpeper J.* Towards anatomy of impoliteness // *Journal of Pragmatics*. 1996. Vol. 25, No. 3. Pp. 349–367.
14. *Culpeper J.* Impoliteness : using language to cause offence. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 292 p.
15. *Haugh M., Bousfield D.* Mock impoliteness, jocular mockery and jocular abuse in Australian and British English // *Journal of Pragmatics*. 2012. No. 44. Pp. 1099–1114.
16. *Mills S.* Gender and politeness. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 270 p.
17. *Crowley T.* When Saturday comes : the boundaries of football rudeness // *Rude Britannia*. London ; New York : Routledge, 2007. Pp. 115–126.
18. *Haugh M.* Impoliteness and taking offence in initial interactions // *Journal of Pragmatics*. 2015. No. 86. Pp. 34–42.
19. *Holmes J.* Politeness and postmodernism – an appropriate approach to the analysis of language and gender // *Journal of sociolinguistics*. 2005. Vol. 9, No. 1. Pp. 108–117.
20. *Terkourafi M.* An argument for a frame-based approach to politeness : evidence from the use of the imperative in Cypriot Greek // *Broadening the horizon of linguistic politeness*. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2005. Pp. 99–117.
21. *Fox K.* Watching the English. London : Hoddle & Stoughton, 2005. 424 p.
22. *Kienpointer M.* Varieties of rudeness. Types and functions of impolite utterances // *Functions of Language*. 1997. No. 4. Pp. 251–287.
23. *Holmes J., Meyerhoff M.* The Community of practice : theories and methodologies in language and gender research // *Language in Society*. 1999. No. 28. Pp. 173–183.
24. *Schnurr S.* Humour // *Interpersonal Pragmatics (Handbook of Pragmatics)*. 2010. Vol. 6. Pp. 307–328.
25. *Oxford collocations dictionary for students of English*. Oxford University Press, 2002. 898 p.
26. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. Виноградова ; под общ. ред. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Вена : Языки славянской культуры, 2004. 1417 с.

REFERENCES

1. Searle J. R. Indirect speech acts. In: *Syntax and Semantics*. New York: Academic Press, 1975. Vol. 3. Pp. 59–82.
2. Leech G. Principles of pragmatics. London; New York: Longman, 1983.
3. Wilson D., Sperber D. Relevance theory. In: *The Handbook of Pragmatics*. Malden, Mass: Blackwell, 2004. Pp. 607–632.
4. Watts R. J. Politeness. New York: Cambridge University Press, 2003.
5. Culpeper J., Haugh M., Sinkeviciute V. Impoliteness and mixed messages. In: *The Palgrave handbook of linguistic (im)politeness*. London: Macmillan Publishers, 2017. Pp. 322–356.
6. Slugoski B. R., Tumbull W. Cruel to be kind and kind to be cruel: sarcasm, banter and social relations. In: *Journal of Language and Social Psychology*. 1988. Issue 7. Pp. 101–121.
7. Brown P., Levinson S. Universals in language usage: Politeness phenomena. In: *Questions and politeness: Strategies in social interaction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. Pp. 56–311.
8. Brown P., Levinson S. Universals in language usage: Politeness phenomena. In: *Studies in Interactional Sociolinguistics 4*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
9. Leech G. The pragmatics of politeness. New York: Oxford University Press, 2014.
10. Spencer-Oatey H. Face, (im)politeness and rapport. In: *Culturally Speaking: Culture, Communication and Politeness Theory*. London, New York: Continuum, 2008. Pp. 11–47.
11. Culpeper J. Conventionalised impoliteness formulae. In: *Journal of Pragmatics*. 2010. No. 42. Pp. 3232–3245.
12. Fraser B., Nolen W. The association of deference with linguistic forms. In: *International Journal of the Sociology of Language*. 1981. No. 27. Pp. 93–109.
13. Culpeper J. Towards anatomy of impoliteness. In: *Journal of Pragmatics*. 1996. Vol. 25, No. 3. Pp. 349–367.
14. Culpeper J. Impoliteness: using language to cause offence. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
15. Haugh M., Bousefield D. Mock impoliteness, jocular mockery and jocular abuse in Australian and British English. In: *Journal of Pragmatics*. 2012. Issue 44. Pp. 1099–1114.
16. Mills S. Gender and politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
17. Crowley T. When Saturday comes: the boundaries of football rudeness. In: *Rude Britannia*. London ; New York: Routledge, 2007. Pp. 115–126.
18. Haugh M. Impoliteness and taking offence in initial interactions. In: *Journal of Pragmatics*. 2015. No. 86. Pp. 34–42.
19. Holmes J. Politeness and postmodernism – an appropriate approach to the analysis of language and gender. In: *Journal of Sociolinguistics*. 2005. Vol. 9, No. 1. Pp. 108–117.
20. Terkourafi M. An argument for a frame-based approach to politeness: evidence from the use of the imperative in Cypriot Greek. In: *Broadening the horizon of linguistic politeness*. Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins, 2005. Pp. 99–117.
21. Fox K. Watching the English. London: Hodder & Stoughton, 2005.
22. Kienpointer M. Varieties of rudeness. Types and functions of impolite utterances. In: *Functions of Language*. 1997. Issue 4. Pp. 251–287.
23. Holmes J., Meyerhoff M. The Community of practice: theories and methodologies in language and gender research. In: *Language in Society*. 1999. No. 28. Pp. 173–183.
24. Schnurr S. Humour. In: *Interpersonal Pragmatics (Handbook of Pragmatics)*. 2010. Vol. 6. Pp. 307–328.
25. Oxford Collocations dictionary for students of English. Oxford University Press, 2002.
26. Noviy obyasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka [New explanatory dictionary of Russian synonyms]. Ed. by Yu. D. Apresyan. Moscow; Vienna: Yazyki slav'yanskoj kul'turi, 2004.

Воронежский государственный университет
 Быстрых А. В., кандидат филологических наук,
 доцент кафедры английской филологии
 E-mail: andy0210@yandex.ru

Байкова А. А., магистрант
 E-mail: alina.baikova24@mail.ru

Поступила в редакцию 12 сентября 2022 г.
 Принята к публикации 27 марта 2023 г.

Для цитирования:

Быстрых А. В., Байкова А. А. Подтрунивание как дискурсивная норма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 23–31. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/23-31>

Voronezh State University
 Bystrykh A. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the English Philology Department
 E-mail: andy0210@yandex.ru

Baikova A. A., Master-student
 E-mail: alina.baikova24@mail.ru

Received : 12 September 2022
 Accepted : 27 March 2023

For citation:

Bystrykh A. V., Baikova A. A. Banter as a discursive norm. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023. No. 2. Pp. 23–31. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/2/23-31>